

**Художественная коллекция
Русского культурно-исторического музея в Праге (1934–1944).
Из истории создания.**

Общепризнанно, что преобладающее влияние на облик эмиграции первой волны оказала интеллигенция, обусловив его высокий интеллектуально-духовный потенциал. Главная цель в изгнании виделась в сохранении, развитии и приумножении русской культуры и приобрела, можно сказать, характер духовной миссии.

Показательно, что русская эмиграция, столь неоднородная по своему социальному составу и политическим взглядам объединилась в ежегодном праздновании Дня Русской культуры, приуроченного к дню рождения А.С. Пушкина и ставшего национальным праздником Русского Зарубежья. Русская интеллигенция, чья творческая энергия не иссякла вдали от родины, а воплотилась в научных трудах, литературе, музыке, живописи, оказалась способной сохранить и донести до нас богатейший пласт отечественной культуры, который нашему поколению еще предстоит оценить и осмыслить.

Ярким примером вышесказанного может служить история создания и судьба Русского культурно-исторического музея в Праге. В 1920–1930-е годы Прага была одним из крупных научных и культурных центров Русского Зарубежья. Во многом этому способствовала материальная и моральная поддержка русской эмиграции чехословацким правительством, получившая название «русской акции». Руководители молодого славянского государства считали своим нравственным долгом помочь беженцам из России, так много сил отдавшей в борьбе с Германией и Австрией, к тому же они надеялись в лице своего ближайшего соседа иметь в будущем доброжелательного союзника. Кроме того, значительная часть русской эмиграции была представлена творческой интеллигенцией. Возможно, именно поэтому форма оказания помощи русским беженцам наиболее отвечала и личному достоинству и национальному сознанию русских эмигрантов. Русская беженская проблема стала разрешаться при помощи русских учреждений и организаций. В 1921 году была создана Русская Учебная коллегия из профессоров и преподавателей вузов и Педагогическое бюро по делам высшей и средней школы. Правительственный кредит помощи русским ученым составил сто тысяч чешских крон в месяц¹. Прага становится одним из основных центров русской научной эмиграции. И не случайно

именно здесь проходит «торжественный смотр русских беженских научных сил» – I съезд Русских академических групп (1921 год) и I съезд русских ученых (1924 год), ярко продемонстрировавших, что русский научный мир в изгнании сохранил свое единство и намерен продолжать творческую деятельность. По мнению чешских коллег, русская профессура, оказавшись в непривычной для нее заграничной обстановке и в малоблагоприятных условиях эмигрантской жизни не утратила своей энергии и успешно продолжает создавать новые ценности в области как чистых так и прикладных наук². Бывший ректор Московского университета М.М. Новиков, приехавший в Прагу в 1923 году, вспоминал: «Когда я приехал в Прагу, русская академическая жизнь в ней кипела и бурлила. Чехословацкое правительство во главе с президентом Т.Г. Масариком встретило русских беженцев чрезвычайно гостеприимно. Профессорам и доцентам была назначена солидная пожизненная пенсия... учащейся молодежи были предоставлены стипендии до окончания высшего образования. Началось энергичное культурное строительство»³. Прага вполне оправдывала свое название – «Русский Оксфорд». Академики Н.П. Кондаков и П.Б. Струве, ведущие профессора Московского, Петербургского, Харьковского, Ростовского, Киевского университетов: С.Н. Булгаков, А.А. Вилков, Г.В. Вернадский, П.И. Георгиевский, Д.Д. Гримм, С.В. Завадский, А.А. Кизиветтер, Н.О. Лосский, П.И. Новгородцев, Е.В. Спекторский, Г.В. Флоровский, А.В. Федоровский и многие другие составили блестящую плеяду русских ученых, собравшихся в Праге и обусловили особенность и специфику пражской эмиграции – ее ярко выраженный «просветительский» характер. Эти люди были далеки от политических и идеологических страстей, кипевших в эмиграции, и все свои силы отдавали творческой, созидательной научной и культурно-просветительской работе. Создавая Русский культурно-исторический музей, В.Ф. Булгаков, в частности, писал: «Всякие политические тенденции вообще отбрасываются в деятельности Музея. Она действительно строится на чисто-научных, объективных основаниях. Лично я – не политик и не работал бы в музее, если бы он попал под эгиду одного из эмигрантских или каких бы то ни было политических течений...»⁴. «Златая Прага» со своими старинными зданиями, картинными галереями, музеями, библиотеками, как центр исторической и культурной жизни Чехословакии, стала и одним из центров русских культурных начинаний. Русский камерный и драматический театры, студия Московского художественного театра, выставки картин русских художников, русские хоры, литературные вечера, лекции по истории русской культуры... все это – русская Прага 1920–1930-х годов.

Художественная жизнь в Праге рассматриваемого периода была интересна и разнообразна: трижды (1923, 1925 и 1928 годах) выставлял свои картины И. Репин, большое количество своих произведений привез в Прагу академик Н. Богданов-Бельский, ряд работ показали К. Коровин и Ф. Малявин, Прага видела персональные выставки графика Н. Зарецкого и пейзажиста Колесникова. В 1924 году С. Маковский в помещении Художественно-промышленного музея устроил выставку русской графики. «Это было радостное явление, – вспоминал Н.А. Еленев. – Объективные условия помешали Маковскому дать более систематический и исчерпывающий подбор произведений русских графиков, однако, и то, что имелось на выставке глубоко радовало... Рисунки Александра Бенуа, И. Билибина, Л. Бакста, М. Добужинского, С. Чехонина, покойного Е. Нарбута относились ко временам расцвета «Мира искусства», куда почти все демонстрировавшиеся авторы входили»⁵. По мнению известного искусствоведа, самыми выдающимися явлениями русской художественной жизни были выставки Б. Григорьева (1926 год) и И. Билибина (1927 год) прошедшие с огромным успехом. Борис Григорьев – «один из самых изумительных рисовальщиков нашей эпохи», выставивший 80 своих работ поразил Прагу. «...В то время, когда дышать стало нечем от умных глупостей «строителей» картин из битого стекла, вырезок газет и кусков жести, – писал в своей статье Н.А. Еленев, – когда такой чуткий искусствовед как Муратов тревожно заговорил о пост-Европе и анти-искусстве, явился Григорьев. Он обрел не только тему, выпавшую из сознания современности, не только нашел общезначительный смысл ее, но воскресил поруганное искусство живописи»⁶.

Художник И. Билибин, посетивший Прагу в 1927 году в связи с проектом росписи русской часовни на Ольшанском кладбище, показал живопись и графику представив 77 своих произведений. «Иллюстрации к сказкам начала нынешнего века, декоративные работы вроде плафона для Государственного банка в Нижнем Новгороде, крымские акварели, костюмы для театральных постановок, рисунки, относящиеся к пребыванию Билибина в Египте и Палестине и наконец, бесподобная серия миниатюр, изображающих древних русских князей, создававшихся в последнее время, – по мнению Еленева, – показывали Билибина во весь рост»⁷.

В этом же 1927 году Прага увидела выставку произведений художника Г. Мусатова и проведенную пражской организацией «Русский кустарь», выставку русских художников, проживавших в Праге. На ней были представлены акварели В. Крашенинникова, офорты Сиротского, иконописные работы княгини Н.Г. Яшвилль, портреты Н. Акатьева, работы проф. В. Брандта, А. Сулова, А. Головина.

Из всего вышесказанного очевидно, что совсем не случайно идея создания русского эмигрантского Музея возникла именно в Праге. Задачей Музея должно было стать собирание памятников науки и искусства, а также других предметов, относящихся к истории, творчеству и быту Русского зарубежья. Основная же цель заключалась в том, чтобы показать что «наши беженские массы не являются отбросами родины... наоборот сейчас же берутся за творческий труд, обогащая культурное богатство приютивших их народов своей научной и художественной продукцией. Таким образом, слава русского имени распространяется по всему свету»⁸. Идея принадлежала Валентину Федоровичу Булгакову. Питомец Московского университета (философское отделение историко-филологического факультета), писатель, литературовед, последний личный секретарь Л.Н. Толстого и активный пропагандист его духовно-этического наследия, директор Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, хранитель его дома-музея в Хамовниках, В.Ф. Булгаков был выслан в 1923 году из России сроком на три года, растянувшиеся на долгие двадцать шесть лет эмиграции. Будучи преданным и самоотверженным работником культуры, которому была свойственна «бережливая забота о духовных сокровищах и вера в творчество»⁹, он и вне России все силы и творческую энергию по-прежнему отдавал делу служения своей родине, органично включившись в решение основной задачи, которую ставила перед собой русская интеллигенция в эмиграции – сохранение и преумножение отечественного культурного наследия. Идея Русского культурно-исторического музея или Музея русской эмиграции, как назывался он сначала, возникла в 1933 году. «Время и обстановка, казалось мало благоприятствовала новому начинанию, – вспоминал В.Ф. Булгаков, – «Вы опоздали на десять лет», – слышал я со всех сторон: «эмиграция устала, обеднела, источники помощи ее культурным начинаниям иссякают, вернее – иссякли...» Все это было верно, за тем исключением, что десять лет тому назад, когда все мы еще «сидели на чемоданах», ожидая скорого возвращения на Родину, мысль о русском зарубежном музее вообще не могла возникнуть. И надо было пройти значительному периоду времени с того момента, как русские покинули родную почву, чтобы, наконец стало ясно, что период этот – исторический, что это – целая эпоха, и что на обязанности культурных русских людей, оказавшихся за рубежом, лежит забота о собирании и сохранении памятников этой эпохи»¹⁰. С предложением о создании Музея Булгаков обратился к М.М. Новикову – ректору Русского Свободного университета, крупного, научно-просветительского учреждения в Праге, который откликнулся на эту идею и активно включился в работу по ее осуществлению. При университете для проведения предварительной работы по

организации Музея была образована инициативная группа, в которую вошел цвет пражской научной и культурной эмиграции: Н.И. Астров, А.Л. Бем, В.Ф. Булгаков, С.В. Завадский, М.М. Новиков, Н.Л. Окунев, С.В. Панина, А.Н. Фатеев и И.А. Якушев. Инициативная группа на своих заседаниях разработала основные положения относительно статуса и управления Музея, а также вопросы, связанные с его формированием и комплектованием, зафиксировав это в итоговом документе, которым стало «Положение о Русском культурно-историческом музее в Праге»¹¹. После принятия «Положения» инициативная группа самораспустилась, передав все дела Музейной комиссии, в составе которой в разное время числились: Н.Е. Андреев, В.А. Брандт, В.Ф. Булгаков, Н.В. Завадский, Б.Н. Лосский, Е.И. Мельников, М.М. Новиков, Н.Л. Окунев, П.А. Остроухов, Н.П. Пашковский, В.В. Саханев, А.Н. Фатеев, М.В. Шахматов и И.А. Якушев. Председателем комиссии неизменно избирался проф. М.М. Новиков, секретарем – В.Ф. Булгаков. Создаваемый Музей носил временный характер и «в будущем должен быть перенесен в Россию как национальное достояние», – гласил § 1 «Положения»¹².

Одним из важнейших был вопрос финансирования Музея, так как средств, естественно не было и их недостаток сначала мог возмещаться исключительно верой в дело. «Все дело велось руками и ногами Булгакова, – вспоминает М.М. Новиков, – и нашими двумя головами. Он заразил меня своим энтузиазмом и решимостью во что бы то ни стало добиться успеха»¹³. И результат не замедлил сказаться. Начали поступать пожертвования. Единовременная субсидия была предоставлена канцелярией президента Чехословацкой республики и Министерства народного просвещения, крупный денежный дар был получен от первого президента Чехословакии д-ра Т.Г. Масарика, часть необходимого для Музея оборудования получена была от дирекции Пражского Художественно-Промышленного музея.

Комплектование Музея осуществлялось исключительно на основе частных пожертвований и В.Ф. Булгакову удалось привлечь к этому делу широкую эмигрантскую общественность путем создания института членов-корреспондентов, представлявших Музей в различных странах русского рассеяния, которые оказывали посильную помощь и внесли свой неоценимый вклад в дело развития Музея. Среди них можно назвать такие имена как: графиня С.В. Панина, филологи А.Л. Бем и С.В. Завадский, философ Ф.А. Степун, поэт Д. Ратгауз, художественный критик В.Ф. Зеелер, историк искусства Н.Л. Окунев, художники А.Н. Бенуа и А.И. Юпатов и многие другие. Постепенно начало формироваться музейное собрание, и были открыты следующие отделения: художественное; архитектурное; русской старины;

книжное, ставшее затем научно-литературным, истории эмиграции из которого позже выделились театральное и пушкинское отделения; библиотека Музея, насчитывавшая впоследствии до пяти тысяч книг. Сначала экспонаты Музея располагались в помещении Русского свободного университета, но постепенно с увеличением их численности вопрос о новом помещении становился все более неразрешимым. «Но и на этот раз счастливая звезда сверкнула нам, – вспоминал М.М. Новиков, – притом звезда, как говорят астрономы, первой величины»¹⁴. Помощь пришла от чешского промышленника и мецената, с большой симпатией относившегося к русским эмигрантам К. Бартонь-Добенина, который представил Русскому музею ряд зал в своем историческом Збраславском замке на берегу Влтавы под Прагой, и в дальнейшем неоднократно оказывал Музею финансовую поддержку.

29 сентября 1935 года в присутствии большого количества русских и чешских гостей состоялось торжественное открытие Русского культурно-исторического музея в Збраславе. «Для совершения молебствия, – вспоминал Новиков, – был приглашен епископ, который служил в своей живописной полной мантии и блестящей митре. Пел хор Архангельского, уже поредевший к тому времени, но еще сохранивший свое очарование... после богослужения и короткого акта, во время которого мы с владельцем обменялись приветственными речами, а вновь назначенный директор Музея Булгаков прочел историю его возникновения, нас ожидал приятный сюрприз. В одном из соседних залов был накрыт громадный стол, заставленный изысканными яствами, от которых давно уже отвыкла беженская публика»¹⁵.

Наиболее ценной частью собрания Русского культурно-исторического музея была картинная галерея, по определению В.Ф. Булгакова – «самое большое и единственное, в одном месте находящееся собрание картин русских зарубежных художников»¹⁶. Художественная коллекция включала около четырехсот картин и рисунков ста зарубежных русских мастеров. Каким же образом удалось собрать такую богатую коллекцию при очень скромных финансовых возможностях Музея? Как уже говорилось, основным принципом формирования музейного собрания было не приобретение произведений искусства, а получение их в дар для Музея. Правление Музея обратилось к художникам Русского Зарубежья с призывом поддержать национальный Музей своими «великодушными дарами»: «...мы верим, что идею его (музея – И.Щ.) и особенно нашу мечту в будущем все собрания Музея перенести в Россию русские художники поймут и оценят. Мы смотрим на счастливо начатое в гостеприимной славянской столице дело Русского Музея как на дело

общенационального значения и прямо зовем к сотрудничеству в этом большом и ответственном деле»¹⁷. Призыв был услышан.

Центром художественной жизни Русского Зарубежья был Париж, куда и отправился в мае 1937 года директор Музея с целью пополнения художественной коллекции. Об этой поездке В.Ф. Булгаков оставил очень живые и интересные воспоминания¹⁸. Из его рассказов о визитах к художникам мы узнаем о том, в каких условиях жили они в эмиграции, как встречали директора первого национального музея, что дарили. Описывая посещение им Константина Алексеевича Коровина, который жил очень бедно, В.Ф. Булгаков с горечью замечает: «В его наружности, конечно, не было ничего общего с серовским портретом 1891 года. Напротив, наружность эта представляла с ним резкий контраст. Коровин одет был в простенький темно коричневый халат и поверх халата, до пояса накрыт еще суконным, тоже коричневым, грубым «солдатским» одеялом»¹⁹. Но, несмотря на столь стесненные обстоятельства, художник с пониманием отнесся к просьбе Булгакова и подарил Музею несколько своих работ: эскиз декорации к опере «Князь Игорь», акварель: рисунок мужского и женского костюмов для полонеза в опере «Борис Годунов», этюд «Мост в Сен-Клу. Париж», а также небольшой пейзаж своего сына – художника Алексея Константиновича «Весна под Парижем». Тепло вспоминает Булгаков посещение им дома Александра Николаевича Бенуа, куда привел его друг семьи И. Репина художественный критик В.Ф. Зеелер, хорошо знавший Бенуа. Гостей встретили радушно и провели в комнату, где «чай был изящно, не по-эмигрантски сервирован на небольшом круглом столе». Подаренная Музею акварель «Каскады в Фонтенебло», представляла собой «исключительно ценный по непринужденному и совершенному изяществу рисунок»²⁰. Побывал Булгаков и в доме племянницы А.Н. Бенуа Марии Черепниной, дочери его старшего брата Альберта Николаевича и жены композитора Н.А. Черепнина, бывшего дирижера Мариинского театра и дягилевских балетных спектаклей в Париже в 1909–1914 годах. «Мария Альбертовна с большим интересом выслушала мой рассказ о пражском Музее, – вспоминает Булгаков, – и, принеся из другой комнаты папку с замечательными большими акварелями своего отца, перебрала их вместе со мной»²¹. В результате две акварели Альберта Бенуа «Сен-Рафаэль. Франция» и акварель, изображавшая закат солнца на море дополнили коллекцию Музея. В Париже проживал еще один представитель талантливой семьи Бенуа – художник-акварелист Альберт Александрович, который также подарил для пражского Музея «очень тонко исполненную» картину-акварель «Остров Сен-Луи в Париже».

Борис Дмитриевич Григорьев жил в Париже в так называемом Доме художников, который был занят исключительно квартирами и мастерскими художников. «Я впервые встречался с такого рода учреждением, – писал Булгаков, – или, если можно так выразиться коллективной художнической квартирой»²². Художник, ожидавший прихода владельца галереи Шарпантье, был несколько разочарован визитом Булгакова, но тем не менее, показал ему выставку своих картин, предложив для Музея одно из своих полотен – этюд «В тропиках». О своем впечатлении Валентин Федорович пишет следующее: «...если бы Борис Григорьев ничего, кроме двадцати пяти или тридцати виденных мною океанских этюдов, не создал, то и это дало бы нам право считать его одним из талантливейших художников нового времени»²³.

Настоящий «экзамен» был устроен Булгакову Петром Александровичем Нилусом. Но, убедившись в компетентности посетителя, художник подарил Музею свою картину маслом «Улица в Пасси». Нанося визиты художникам в Париже, не мог миновать Валентин Федорович и Н.С. Гончарову. Все созданное этой талантливой художницей, вспоминал Булгаков, отличалось вкусом и изяществом, как и работа, предложенная в дар Музею – «прелестный, легкий и нежный, светло-коричневый натюрморт». Посетив мастерскую Натальи Сергеевны, Булгаков восклицает: «Я внутренне пришел в ужас от плодовитости этого творчества впрок... Ведь очевидно было, что русская художница продавала едва ли пять-десять процентов создаваемых ею картин и рисунков. О, эта судьба русских художников в Париже!»²⁴

Путешествуя по Парижу и рассказывая о целях и задачах пражского Музея, В.Ф. Булгаков получил лишь один отказ в просьбе пополнить музейную художественную коллекцию. К. Сомов не счел возможным «раздавать свои рисунки бесплатно». В целом же, к чести русских художников, проживавших в Париже, следует сказать, что все они с пониманием и сочувствием отнеслись к начинанию в Праге, и в архиве сохранилась толстая папка благодарственных писем правления Музея русским художникам, принесших свои работы в дар национальному Музею в Праге²⁵.

Из Парижа Булгаков вывез семьдесят пять картин и рисунков, подаренных Музею и уже 3 октября 1937 года в Збраславском замке была торжественно открыта выставка «Собрание картин русских художников Парижа»²⁶. Французское собрание зафиксировало высокий художественный уровень коллекции пражского Музея, который мог теперь руководствоваться определенными критериями в отборе картин других художников.

Крупным пополнением художественной коллекции Музея были картины Николая Константиновича Рериха. В.Ф. Булгаков и Н.К. Рерих не были знакомы лично, но их связывала многолетняя дружественная переписка. В своем первом письме к художнику в 1936 году Булгаков рассказал о целях и задачах Русского музея и выразил надежду на возможное сотрудничество, а также упомянул и о своей работе с Л.Н. Толстым. Н.К. Рерих живо откликнулся на это письмо. Необходимо отметить, что еще с 1906 года Рерих неоднократно поднимал вопрос о создании русского музея за границей и по достоинству оценил титанические усилия представителей русской эмиграции: «Русский культурно-исторический музей в Праге есть явление глубочайшего смысла. Это – первый русский музей в Европе, маяк русского искусства и науки за рубежом», – писал он в Предисловии к изданному в 1939 году. Альбому-каталогу художественной коллекции Музея²⁷. К тому же имя Л.Н. Толстого имело особый смысл для Рериха, так как философия великого писателя во многом была созвучна его мировосприятию. Сближало Н.К. Рериха и В.Ф. Булгакова и одинаковое понимание того, чем, в первую очередь должны руководствоваться работники культуры в своем нелегком труде. «Культурным работникам нужно научиться единению и взаимоуважению... люди особенно бережно должны охранять культуру на всех ее полях», – писал Н.К. Рерих²⁸. Именно этот принцип был основным и в работе директора Русского музея в Праге.

Между Булгаковым и Рерихом завязалась переписка, постепенно переросшая в заочную дружбу, основанную на духовной общности и продолжавшаяся до самой смерти художника в 1947 году.²⁹

Н.К. Рерих подарил Музею в Праге пятнадцать своих картин и три картины сына Святослава – «Портрет акад. Н.К. Рериха», «Пастух Кулуты», «Гималаи – Закат». Картины переправлялись из Югославии, из музея принца-регента Павла и из Индии. Характеризуя сложный путь транспортировки картин из Индии, Николай Константинович писал: «Для того, чтобы отправить груз с наших гор, мы должны сперва перенести ящик на руках, а затем послать мотором и сменить три железные дороги, прежде чем груз достигнет парохода, а ведь после еще предстоит железная дорога. Все это складывает расходы самые внушительные»³⁰. Необходимо отметить, что расходы по пересылке картин как своих, так и сына-художника в Русский музей в Чехословакии Н.К. Рерих полностью взял на себя.

Присланные Н.К. Рерихом работы принадлежали к разным периодам творчества художника. Несколько картин было связано с именем Сергея Радонежского («Святой Преподобный Сергей Радонежский», «Часовня святого Преподобного

Сергия», «Храм Святого Преподобного Сергия в Америке», «На пути в Гималаях»), одной из любимых исторических фигур Рериха: он смотрел на него как на одного из зачинателей русского культурного строительства. Эти картины относились к большому религиозному циклу, названному Рерихом «Учителя мира». К этому же циклу принадлежала и подаренная Музею картина «Тень учителя» (апокриф о Христе).

В Индии Н.К. Рерих жил близ местечка Наггар, в области Кулута, в Пенджабе. Его деревянный дом находился высоко в горах, в красивой местности, изобилующей разнообразными цветами. Природа служила источником вдохновения и на полотнах художника запечатлены изумительно красивые пейзажи Западного Тибета («Ченрази», «Монастырь в Тибете», «Тибетская крепость»), Цейлона («Ашрам»), серия «Гималайских этюдов» («Эверест», «Кинченджунга») посвящена Гималаям. Эпос и божества Индии также нашли свое отражение в творчестве художника: легендарным личностям – Гессер-хану и народному герою, покровителю древней страны Кулуты Рерих посвящает свои картины «Меч Гессер-хана» и «Гуга-Чохан».

16 июня 1938 года в Збраславском замке под Прагой был торжественно открыт зал академика Н.К. Рериха. «Сегодня я целый день чувствую себя счастливым, как-то особенно удовлетворенным, – писал В.Ф. Булгаков Н.К. Рериху в Наггар. – Торжество прошло прекрасно и я рад, что Музей снова укрепился, что Вас будут знать в Праге, и что мы подняли и Вашим залом и Музеем значение русской культуры за рубежом»³¹. Благодаря столь щедрым пожертвованиям Н.К. Рериха картинная галерея Музея, пополнившись его бесценными полотнами, приобретала высокий международный статус.

«По местонахождению художников, – писал Булгаков характеризуя музейное собрание, – здесь представлены главным образом Прага, Париж и Рига»³². Почетное место в залах Музея заняли работы рижских художников, представленных такими именами как: академики Н. Богданов-Бельский и С. Виноградов, В. Алексеев, С. Антонов, К. Высотский, Ю. Рыковский, Н. Пузыревский, А. Юпатов и др.. Существовал даже особый «юпатовский способ» пересылки картин, о котором В.Ф. Булгаков упоминает в одном из своих писем, рекомендуя воспользоваться им художнику А. Владовскому, посылавшему свои работы из Таллина³³.

Художественную коллекцию Музея украшали картины И. Репина «Мальчик с ломтем хлеба», Р. Мусатова «Рисунок», пейзаж С. Виноградова «Хмурое утро», офорты известного гравера В. Масютина, графические работы М. Добужинского. Большую ценность с историко-познавательной точки зрения представляли собой

работы художников Л. Голубева-Багрянородного и К. Пяковского, запечатлевших целую галерею лиц русской эмиграции. Портреты митрополита Евлогия, писателей и поэтов В. Иванова, Н. Крандиевской-Толстой, А. Толстого, И. Северянина, В. Ходасевича, балерины Р. Корсавиной, Ф. Шаляпина были созданы Л. Голубевым-Багрянородным; в произведениях К. Пяковского изображены цвет русской профессуры в эмиграции: А.Л. Бем, В.А. Брандт, М.М. Новиков, Н.Л. Окунев, П.А. Остроухов. М. Добужинский, посетивший Збраславский замок в 1936 году особо отметил портрет бывшего ректора Московского университета профессора М.М. Новикова. «Отлично сделано, – произнес М. Добужинский с видом глубокого убеждения. – По рисунку это лучший из всех портретов»³⁴. Необходимо отметить, что Мстислав Валерианович очень сочувственно отнесся к просьбе музея о передаче ему своих произведений и скоро выслал из Каунаса (где он жил в то время) 5 своих графических работ: темперу «Ночь (Петербург)», две расцвеченные гуашью автолитографии «Петропавловская крепость» и «Набережная Васильевского острова» и две литографии «Псков. Лодка на площади» и «Сад» (эскиз декорации для постановки драмы Ф. Шиллера «Разбойники»). ««Лодка» поражала тонкостью рисунка, – вспоминал В.Ф. Булгаков. – Извлеченная на берег для ремонта и находящаяся на бревнах огромная, глубокая рыбацкая лодка на главной площади Пскова, с силуэтом древнего собора привлекала внимание неожиданностью положения, в котором она была представлена»³⁵.

Часть художественной коллекции удалось опубликовать. В 1938 году вышел краткий каталог музейного собрания, а в 1939 году – большой иллюстрированный Альбом-каталог «Русское искусство за рубежом»³⁶. Идея издания принадлежала рижскому члену-корреспонденту Музея, художнику-графику А.И. Юпатову и была с большим энтузиазмом поддержана В.Ф. Булгаковым. «Мысль чудесная, – писал он, – в наших эмигрантских условиях кажущаяся даже как-то невероятной, неисполнимой, прямо фантастической. Но... так как вера (и прибавлю – любовь к искусству) творит чудеса, то будем надеяться, что осуществиться и эта блестящая Ваша инициатива, сулящая нашему музею такой великолепный подарок»³⁷. Сложный процесс работы по претворению в жизнь этой замечательной идеи можно полностью восстановить по обширной переписке В.Ф. Булгакова.

Авторами проекта сначала было решено издать предварительный краткий каталог музейного собрания, с тем, чтобы «не очень спеша хорошо подготовить и гораздо более ответственный большой каталог»³⁸. Его задумали выпустить к торжественному открытию рижского зала с объявлением о предстоящем выходе в

свет большого иллюстрированного Альбома-каталога художественных собраний Музея, что и было осуществлено. В изданном каталоге было перечислено 313 работ художников, входивших в коллекцию Музея, и опубликовано 10 иллюстраций. «Обнимаю Вас от всей души за каталог... – писал Булгаков Юпатову, такой роскоши издания мы здесь, конечно, не ожидали... Обложка Ваша – очаровательна. Мне вообще кажется, что это один из лучших Ваших рисунков. Формат даже слишком торжественен для «простого» каталога. Но... простого каталога, конечно, нет. Есть очень красивый альбом»³⁹. Завершился первый этап работы, активная переписка между Прагой и Ригой продолжалась. В ней самым тщательным образом обсуждались вопросы, связанные с предстоящим изданием большого Альбома-каталога: название, имена художников, представленных в Музее, количество иллюстраций, сложности с пересылкой и фотографированием картин, проблема возможности и необходимости вступительной статьи специалиста по истории искусства... В. Булгаков, предлагая А. Юпатову утвердить название «Русское искусство за рубежом» писал: «...всяких альбомов русского искусства было много..., а альбомов зарубежного искусства еще не было совсем»⁴⁰. Первоначально, авторы склонялись к тому, чтобы включить в каталог не только работы художников, представленных в Музее, но и наиболее известных из тех, кто достойно представлял русское искусство в эмиграции, но затем было принято решение сделать Альбом-каталог на основе только художественной коллекции Музея. Сохраняя название «Русское искусство за рубежом», создатели Альбома пояснили идею следующим образом: сейчас издается первый выпуск каталога, в котором будет представлена только музейная коллекция, но в будущем планируется второй выпуск – с биографиями и репродукциями картин художников, остающихся вне собрания Музея, что, в результате, позволит дать общую картину художественной жизни эмиграции и в полной мере будет соответствовать данному названию.

В.Ф. Булгаков приложил немало усилий к тому, чтобы осуществить идею написания вводной статьи специалиста по истории искусства. С просьбой написать введение к «художественному капитальному изданию, которое навсегда останется, и при том, вероятно, единственной этого рода памяткой о пребывании и работе русских художников в эмиграции»⁴¹ он обращался к искусствоведам Н.А. Еленеву и Н.Л. Окуневу, жившим в Праге, но ни тот ни другой «не могли и не хотели доставить нам в срок такую статью», – с сожалением констатировал В.Ф. Булгаков⁴². Н.А. Еленев, долго не давая свое согласие, наконец, поставил условия (высокий гонорар, поездка в Париж и неограниченное время написания), невыполнимые для Музея, а проф. Н.Л. Окунев, возглавив Архив славянского искусства в Праге, вышел из

руководства РКИМ, сочтя несовместимым для себя работу в этих структурах одновременно. Несмотря на несложившееся сотрудничество, массу затраченных сил и времени, Булгаков остается верен своим принципам в работе, когда дело превышает личных взаимоотношений, обид и недоразумений и в письмах к своим адресатам высказывает надежду на нормальные отношения творческого сотрудничества в будущем⁴³.

Со своей идеей Булгаков расставаться не хотел, продолжая искать возможные варианты ее осуществления – «оценка художественных явлений является чрезвычайно ответственным делом», – писал он С.А. Мако в Париж⁴⁴. Решив, что подробная статья о русском искусстве за рубежом, возможно, будет даже более уместна во втором выпуске каталога, он обращается к Сергею Александровичу с просьбой помочь найти автора для статьи в будущем издании.

Работа по организации фотографирования картин так же легла на плечи В.Ф. Булгакова. Он заключил договор с чехословацкой фирмой Фото-Центропресс и организовал приезд в Збраславский замок фотографов с соответствующей аппаратурой. «Чувствую, что очень устал от напряженного и полного трудов весеннего периода, – писал он М.М. Новикову, – но отдыхать некогда и очень манит перспектива уже в начале осени предъявить культурному миру наше историческое издание «Русское искусство за рубежом»⁴⁵.

Альбом-каталог художественного собрания Русского культурно-исторического музея составленный В.Ф. Булгаковым и А.И. Юпатовым, вышел в свет в феврале 1939 года. В него вошли: предисловие академика Н.К. Рериха, статья В.Ф. Булгакова о Музее с подробным его описанием, биографические справки 100 представленных в Музее художников и 42 произведения с картин. А также фото первого зала РКИМ в Праге и зала Н.К. Рериха. Альбом был красиво оформлен: обложка принадлежала кисти А.И. Юпатова, виньетка и заставки были выполнены И.Я. Билибиным и Д.С. Стеллецким.

Значение этого издания трудно переоценить. Оно не только знакомило широкие круги русской эмиграции и западной культурной общественности с художественной коллекцией пражского Музея, но и явилось, в результате уникальным источником для исследователей художественного наследия Русского Зарубежья. «Последние новости» в Париже поместили подробный отчет об открытии Рериховского зала и рецензию на Альбом-каталог. Не лишенный юмора В.Ф. Булгаков, писал по этому поводу своему парижскому члену-корреспонденту В.Ф. Зеелеру: «Ура! Победа! Победа над герцогом Виндзорским! В одном и том же номере наряду с чрезвычайно важным и для мировых

и для русских интересов сообщением о приезде герцога Виндзорского с супругой из Неаполя в Антиб, «Последние новости» наконец-то поместили отчет об открытии Рериховского зала в Русском музее и очень положительную рецензию о каталоге»⁴⁶.

Начали сбываться слова Н.К. Рериха, который писал В.Ф. Булгакову о будущем Альбоме-каталоге: «Пусть будет эта памятка посвящена русскому искусству, как таковому. То обстоятельство, что русское искусство засияло по всему миру, следует представить широко, подчеркнув значение русского искусства»⁴⁷. К сожалению, второй выпуск Альбома-каталога в сложных условиях эмиграции осуществить не удалось по финансовым причинам.

В годы войны значительная часть музейных коллекций погибла при бомбежке. После закрытия музея (в 1944 году) В.Ф. Булгакову удалось вывезти из Збраславского замка сохранившуюся часть художественного собрания и разместить в одной из пражских гимназий, где она и находилась до 1948 года. Из воспоминаний современника, профессора А.Л. Сидорова, который был в Праге в командировке в 1947 года, мы узнаем следующее: «Я видел прекрасное собрание русских картин в Праге, в советской гимназии. Это архив гимназии. В этом архиве находятся картины Бенуа, отца и сына, картины Репина из Парижа, большая коллекция картин академика Рериха, картины К. Коровина, Пастухова, Кайгородова, Богданова-Бельского, весь архив Добужинского – это большой архив... Многие из этих картин могли бы стать украшением нашей Третьяковской галереи, а находятся в стенах нашей гимназии, что, по-моему, не совсем уместно»⁴⁸. В.Ф. Булгаков настойчиво хлопотал о передаче художественной коллекции в СССР. В результате его усилия увенчались успехом и картины русских художников вернулись на родину. О судьбе художественного собрания Музея В.Ф. Булгакову сообщили из МИД СССР в 1949 году: «...51 картина (среди них произведения Репина, Коровина, А. Бенуа и др. известных художников) передана в ГТГ в соответствии с ее просьбой; 48 картин направлены в Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина; часть картин, не представляющих собой ценности, переданы для украшения школы-интерната МИД»⁴⁹. Также известно, что картины Н. Гончаровой, М. Добужинского, З. Серебряковой, помимо Государственной Третьяковой галереи, дополнили собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина и Государственного Русского музея; картины Н.К. Рериха нашли свое место среди его же работ в Третьяковской галерее; рисунки Л. Голубева-Багрянородного и К. Пясковского были переданы в Центральный государственный архив литературы и искусства⁵⁰.

Таким образом, основная цель, которую ставил перед собой Русский культурно-исторический музей в Праге о возвращении музейных коллекций в Россию в качестве ее национального достояния, была по мере сил и возможностей русской эмиграцией выполнена.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5776. Оп. 1. Д. 3. Положение об оказании помощи русским ученым Чехословацкой республикой. Л. 1.

² Русские в Праге. 1918-1928. Ред. *С.П. Плотников*. Прага, 1928. С. 256.

³ *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 332.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 8. Л. 198. Письмо А.И. Юпатову от 23. 12. 1937.

⁵ Русские в Праге. С. 256.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 145. Л. 50.

⁷ *Еленев Е.А.* Русское изобразительное искусство в Праге. // Русские в Праге. С. 297.

⁸ *Новиков М.М.* Указ. Соч. С. 356.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 8. Л. 328 об. Из письма А.И. Тыминского В.Ф. Булгакову.

¹⁰ *В. Булгаков, А. Юпатов.* Русское искусство за рубежом. Прага, Рига, 1939. С. 15.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 1. Л. 176-177.

¹² Там же. Л. 176 об.

¹³ *Новиков М.М.* Указ. Соч. С. 356.

¹⁴ Там же. С. 359.

¹⁵ Там же. С. 360.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 8. Л. 423 об. Письмо А.И. Юпатову от 28. 07. 1938.

¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 223. Письмо В.Ф. Булгакова Л.С. Остроухову от 1. 12. 1935.

¹⁸ *Булгаков В.Ф.* Встречи с художниками. Л., 1969.

¹⁹ Там же. С. 192.

²⁰ Там же. С. 176.

²¹ Там же. С. 179.

²² Там же. С. 219.

²³ Там же. С. 222-223.

²⁴ Там же. С. 240.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 8.

²⁶ Там же. Д. 1. Л. 48 об.

²⁷ *В. Булгаков, А. Юпатов.* Указ. Соч. С. 11.

²⁸ Цит. по кн.: *Булгаков В.Ф.* Встречи с художниками. Л., 1969. С. 260.

²⁹ Переписка Н.К. Рериха и В.Ф. Булгакова хранится в фондах ГАРФ (Ф. Р-6784) и РГАЛИ (Ф. – 2226, Ф.- 1355).

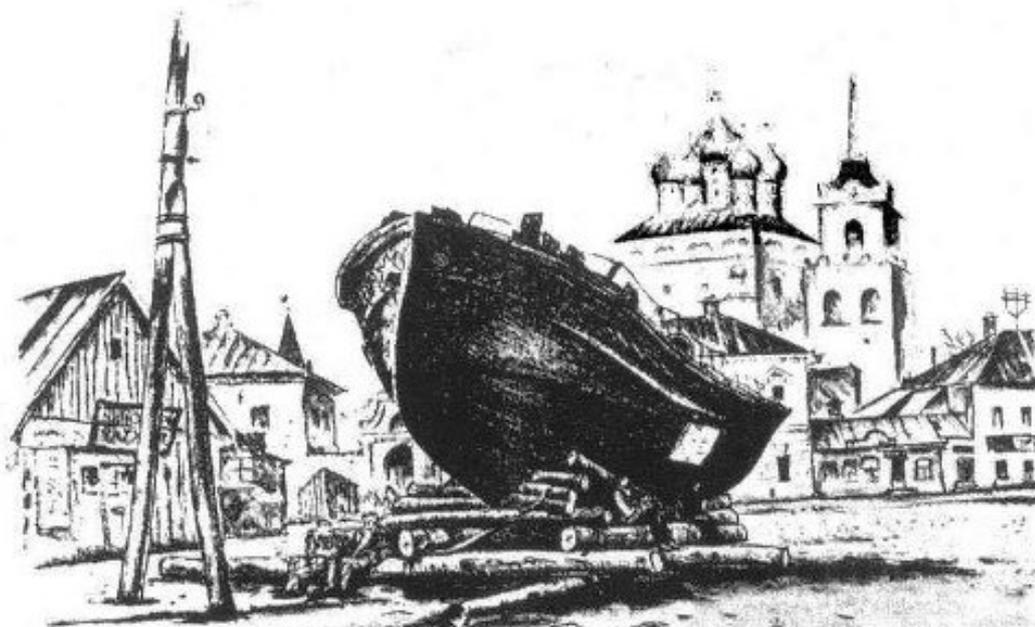
-
- ³⁰ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 8. Л. 135. Письмо В.Ф. Булгакову от 31. 08. 1937.
- ³¹ Там же. Л. 356 об. Письмо Н.К. Рериху от 17. 06. 1938.
- ³² Там же. Л. 323. Письмо Н. Разгоновой от 29. 04. 1938.
- ³³ Там же. Л. 310. Письмо А.И. Владовскому от 15. 04. 1938.
- ³⁴ Булгаков В.Ф. Указ. Соч. С. 209.
- ³⁵ Там же. С. 209-210.
- ³⁶ Каталог художественных собраний Русского культурно-исторического музея при Русском Свободном университете в Праге. Прага, 1938; В. Булгаков, А. Юпатов. Русское искусство за рубежом. Прага, Рига, 1939.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 8. Л. 157.
- ³⁸ Там же. Л. 304. Письмо А.И. Юпатову от 15. 04. 1938.
- ³⁹ Там же. Л. 358. Письмо А.И. Юпатову от 9. 06. 1938.
- ⁴⁰ Там же. Л. 197 об. Письмо А.И. Юпатову от 23. 12. 1937.
- ⁴¹ Там же. Л. 405. Письмо В.А. Брандту от 15. 07. 1938.
- ⁴² Там же. Л. 566 об. Письмо проф. С.А. Мако от 5. 12. 1938.
- ⁴³ Там же. Л. 369-370. Письмо Н.Л. Окуневу от 24. 04. 1938; Л. 434. Письмо Н.А. Еленеву от 6. 08. 1938.
- ⁴⁴ Там же. Л. 556 об. Письмо С.А. Мако от 5. 12. 1938.
- ⁴⁵ Там же. Л. 388 об. Письмо М.М. Новикову от 6. 07. 1938.
- ⁴⁶ Там же. Л. 425. Письмо В.Ф. Зеелеру от 29. 07. 1938.
- ⁴⁷ Там же. Л. 237. Письмо Н.К. Рериха от 17. 02. 1938.
- ⁴⁸ Цит. По: *Досталь М.Ю.* Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В.Ф. Булгакова. // Русская, украинская и белорусская эмиграции в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Ч. 2. Прага, 1995. С. 554-555.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-9586. Оп. 1. Д. 107. Л. 73. Письмо МИД СССР от 19. 03. 1949.
- ⁵⁰ *Докашева Е.С.* Русский культурно-исторический музей в Праге. М., 1993. С. 66.

Л. Браиловский

„Ново-Девичий монастырь в Москве“

М. Добужинский
„Псков“
Doboujinski „Pskov“

И. Репин
„Мальчик с ломтем хлеба“